

не в «красном кафтане» вообще (то есть не в помещиках вообще), а в его конкретном владельце — такова прямо не высказанная, но всем содержанием рассказа утверждаемая мысль: есть баре злые, а есть добрые. Добрыми должны быть все. Крестьянские дети и их родители, в описании автора, очень отзывчивы на доброту. В любовном описании этой отзывчивости нельзя не видеть выражения сокровенной мысли рассказчика. Введя эпизод моментального перерождения ребят под воздействием барской доброты (эпизод, который никак не может быть объяснен исследователями, видящими в «Отрывке» выступление против крепостничества вообще), автор наглядно демонстрирует возможный и реальный путь разрешения коллизии, вызвавшей поначалу у него столь тягостное чувство. Положительный идеал доброго, заботливого помещика уравнивает критическую часть рассказа и в известной степени нейтрализует ее. Григорию Терентьевичу (и подобным ему) логикой повествования отказано в праве распоряжаться судьбой «подобных себе» как раз с точки зрения высоких понятий справедливости, человеколюбия, любви к ближнему, связываемых с этим идеалом. Заметим кстати, что своеобразные дополнения к «Отрывку», в какой-то мере восполняющие сделанные в нем исключения (оговоренные издателем в примечаниях), содержатся в «Письме уездного дворянина к его сыну», опубликованном сразу же после появления «Отрывка». Устами Трифона Панкратьевича автор повествует как раз о тех конкретных злоупотреблениях, которые в «Отрывке» характеризовались одним словом «тиранство». Здесь же автор счел необходимым противопоставить жестокому помещику Г. Г. Орлова, крестьяне которого живут «богаче инова дворянина». Не отрицая комплиментарного характера этой характеристики, мы все же не можем объяснить ссылку на Г. Г. Орлова лишь цензурными соображениями. Говоря о том, что тот берет со своих крестьян, «стыдно и сказать, по полтора рубли с души», что они обеспечены угодами, сообщая о «немецкой манере» ведения хозяйства, автор и здесь стремится быть конкретным, верным «истине».

Суть, однако, не в этом. Автору «Писем к Фалалею», как и автору «Отрывка», виделся некий идеал доброго, рачительного помещика и «Благополучная» деревня, что утверждало его в критической позиции по отношению к тиранам.

Выступая с моральным, философским осуждением тирании, автор, видимо, сознавал, что увещевания и даже резкая критика не исправляют тиранов. Этим объясняется скорбно пессимистический тон его обращения к крестьянским детям. Автор «Отрывка» должен был неоднократно убедиться в тщетности обличений, прежде чем сделать этот безрадостный вывод. Однако иного выхода, кроме противопоставления злым помещикам добрых, он не видел. Первых он критиковал, на вторых уповал.

В заключение по вопросу об идейно-эстетической позиции автора «Отрывка» следует сказать, что «общие» обличения, к ко-